



## Первое правленіе Фотія, патриарха константинопольскаго.

(Продолженіе) <sup>1)</sup>.

### VI.

Богато одаренные, Родоальдъ и Захарія въ концѣ лѣта 861 г. отправились въ обратный путь <sup>2)</sup>, а вслѣдъ за ними въ качествѣ царскаго посла выѣхалъ протасикритъ Левъ, получившій порученіе вручить папѣ Николаю соборные акты и письма отъ императора и Фотія. Въ несохранившемся письмѣ Михаила, насколько видно изъ отвѣта на него папы <sup>3)</sup>, сообщалось о занятіяхъ собора и приговорѣ по дѣлу Игнатія <sup>4)</sup>, воздавались обычныя похвалы собору, при чемъ Михаилъ, не безъ притязательности, отмѣтилъ совпаденіе числа соборныхъ участниковъ (318) съ числомъ отцовъ перваго вселенскаго собора, и вѣроятно, дѣлались лестныя отзывы о легатахъ—въ тонѣ рекомендаціямъ самого папы.

Отъ лица Фотія Левъ везъ Николаю обширное письмо, содержавшее обстоятельную самозащиту личности Фотія и его дѣла <sup>5)</sup>. Эта апологія была послѣднимъ предложеніемъ мирныхъ отношеній Риму. Фотій собралъ всѣ аргументы, какіе можно было привести въ его защиту, обстоятельно раскрылъ и ярко освѣтилъ тотъ принципъ, какой, по его мнѣнію, долженъ быть положенъ въ основу отношеній между

<sup>1)</sup> См. „Бог. Вѣстн.“ Декабрь 1909, 647—673 стр.

<sup>2)</sup> Vita Ignatii 525

<sup>3)</sup> Nicolai ep. V ad Michaelen *Mansi*, XV 170 sq

<sup>4)</sup> Со ссылкой между прочимъ на 30 ап. правило.

*Valéttia* ἐπ. 2. *Migne* P. G. Cl. Lib I ep 2.

самостоятельными помѣстными церквами, сдѣлалъ всѣ допустимыя уступки Риму, но далъ понять, что о безусловномъ подчиненіи Востока Западу не можетъ быть рѣчи <sup>1)</sup>.

„Поистинѣ нѣтъ ничего выше и драгоценнѣе любви, писалъ Фотій; это признано общимъ мнѣніемъ и засвидѣтельствовано словомъ Божиимъ. Любовь соединяетъ раздѣленное, умиротворяетъ вражду, сильнѣе скрѣпляетъ узы семьи, устраняя доступъ въ нее раздору и зависти. Она не мыслитъ зла; все любить, все терпитъ, никогда, по слову св. Павла (I Кор. XIII, 7), не оскудѣваетъ. Она примиряетъ провинившихся рабовъ съ господами, выставляя въ извиненіе проступка тождественность (ихъ) человѣческой природы. Она наставляетъ и подчиненныхъ съ кротостію переносить ожесточеніе и гнѣвъ своихъ владыкъ <sup>2)</sup>, утѣшая ихъ въ неравенствѣ участи примѣромъ тѣхъ, кто терпитъ то-же самое. Она смягчаетъ родительскій гнѣвъ на дѣтей и убѣждаетъ родителей безъ огорченія сносить ропотъ дѣтей, защищая природныя отношенія (*τοὺς χοῖρους ἄλλας* <sup>3)</sup> въ согласіи съ требованіями самой природы. Тѣхъ, кто держатся одинаковой вѣры въ Бога, хотя бы они жили вдали другъ отъ друга и никогда другъ друга не видали, она ведетъ къ единенію и, связывая единствомъ воззрѣній, превращаетъ въ истинныхъ друзей. И если-бы случилось одному уклониться къ неосмотрительному порицанію другого, она, внушая одному забвеніе, а другому раскаяніе, легко восстанавливаетъ между ними согласіе, сохраняя нерушимыми узы единенія. Эта-то любовь побудила наше смиреніе безтягостно перенести упреки, которыми ваша отеческая святость поразила насъ, какъ стрѣлами, — ибо заставила насъ видѣть въ нихъ не волненіе страсти, не выраженіе сварливости, а скорѣе выраженіе искренности и высокой ревности о церковномъ благоустройствѣ. Если лю-

<sup>1)</sup> Письмо очень важно по содержанію, чрезвычайно характерно для уясненія личности автора и вызываетъ со стороны его недоброжелателей столь рѣзкіе отрицательные отзывы, что заслуживаетъ быть приведеннымъ цѣликомъ

<sup>2)</sup> Догадка Гефеле (op cit. B. IV S. 235 Ann 1), что Фотій этими словами даетъ понять папѣ свою готовность признать его власть, совершенно искусственна. Фотій просто перечисляетъ отношенія, гдѣ можно наблюдать дѣйствіе любви.

<sup>3)</sup> *Βαλετ σελ. 147 σ, ιι β*

бовь, отъ избытка добродѣтели, не позволяетъ даже счесть зломъ то зло, которое истекаетъ, быть можетъ, не отъ злобныхъ побужденій, хотя и огорчаетъ, уязвляетъ и тревожить, то позволить-ли она объявить его зломъ открыто? Вѣдь разумъ знаетъ такую доброту, которая отвѣчаетъ благодареніемъ на огорченіе“<sup>1)</sup>.

„Такъ какъ ничто не препятствуетъ, чтобы братья братьямъ и дѣти родителямъ открыто говорили правду (нѣтъ ничего дороже истины), то позволительно и намъ сказать открытую правду, не съ цѣлью выставить возраженія, а представить защиту (*ἀπολογία*)“.

Папа нарушилъ по отношенію къ Фотію требованія любви. Незаслуженно обиженный, Фотій мирится съ обидой, но въ дальнѣйшемъ хочетъ, чтобы къ нему были справедливы.

„Прежде всего вамъ, ваше совершенство въ добродѣтели, слѣдовало-бы обратить вниманіе на то, что мы увлечены подъ это иго противъ воли, и не упрекать насъ, а сострадать, не пренебрегать, а сочувствовать. Милосердіе и челоувѣколюбіе должны оказываться тѣмъ, кто терпитъ насиліе, а не упреки и презрѣніе. А мы потерпѣли насиліе, и какое—знаетъ самъ Богъ, Которому открыто и все сокровенное! Насъ задержали противъ воли, заперли, какъ преступника, тщательно стерегли; насъ избрали, когда мы сопротивлялись, насъ рукоположили, когда мы плакали, сѣтовали, томились. Это извѣстно всѣмъ, ибо совершилось не въ темномъ углу; и тяжесть оскорбительнаго обращенія (*τὸ μέγεθος τῆς ἐπηρείας*) разнесла извѣстіе повсюду. Чего же заслуживаютъ потерпѣвшіе такъ много и такъ тяжело? Нападокъ, укоризнъ, поношеній, или-же сожалѣнія и утѣшенія, насколько оно возможно?“<sup>2)</sup>

Если скажутъ, что получить кафедру было заманчиво, такъ какъ она давала очень многое, то пусть не забываютъ, что, принимая избраніе, онъ и лишался не меньшаго.

1) Развивая принципы любви, Фотій не только хочетъ склонить папъ дѣйствовать въ духѣ миролюбія (Сf. *Jager* op. cit. p 60; *Vallet. sel.* 142 *σ.μ* 1; *Hergemöther* I, 440), но и деликатно ставитъ ему на видъ, что имъ этотъ принципъ нарушенъ

2) Hier die alte Lüge noch weit dreister und stärker dem fernestehenden Papste gegenüber wiederholt wird (*Hergemöther* I, 441). Но то-же самое Фотій писалъ лицамъ, близкимъ знакомымъ съ дѣломъ, и не боялся быть уличеннымъ во лжи

„Я утратилъ мирную жизнь, утратилъ отраднѣй досугъ. потерялъ и славу (если еще есть у кого нибудь стремленіе къ мірской славѣ); потерялъ драгоценнѣйшій покой, чистое и радостное сожителство съ моими близкими, дружеское общеніе, чуждое горя, коварства, упрековъ. Я не слышалъ ни отъ кого жалобъ, какъ и самъ не жаловался ни на кого ни изъ чужихъ, ни изъ своихъ, ни изъ знакомыхъ, ни тѣмъ болѣе изъ друзей. Никого я ни разу не обидѣлъ до такой степени, чтобы навлечь оскорбленіе на себя, если не считать опасностей, которымъ я подвергался ради благочестія<sup>1)</sup>. Никто не погрѣшилъ и противъ меня настолько, чтобы языкъ мой увлекся до оскорбленія его. Такъ всѣ были добры ко мнѣ! Впрочемъ, о моихъ отношеніяхъ они заявлять громко сами, хотя-бы я ничего не говорилъ. Друзья любили меня больше кровныхъ родственниковъ, а для родныхъ я былъ и тѣмъ и другимъ: и самымъ дорогимъ родственникомъ и наиболѣе близкимъ изъ друзей. Слухъ о расположеніи ко мнѣ моихъ близкихъ влекъ и незнавшихъ меня къ божественной любви и узамъ дружбы. Вѣроятно, они не пожалѣютъ, что хорошо отзывались обо мнѣ. Но какъ можно вспоминать объ этомъ безъ слезъ?“<sup>2)</sup>

Развѣ въ условіяхъ прежней жизни не было сторонъ, способныхъ дать душѣ высокое удовлетвореніе? Достаточно вспомнить его преподавательскую дѣятельность. „Когда я былъ дома, для меня было величайшимъ наслажденіемъ видѣть напряженность занятій моихъ учениковъ, рвеніе ихъ вопросовъ, ихъ упражненіе въ произношеніи рѣчей, чѣмъ приобрѣтается навыкъ къ легкому выраженію мысли. Радостно было видѣть успѣхи тѣхъ, кто изошряли свой умъ въ математическихъ занятіяхъ, и тѣхъ, кто разслѣдовалъ истину логическими методами, и кто чрезъ богословскія науки возвышалъ свой умъ къ религиозному настроенію, этому вѣнцу всѣхъ прочихъ знаній. Таковъ былъ мой постоянный домашній кружокъ. Когда я, что бывало часто, уходилъ въ императорскій дворецъ, меня провожали просьбами не мед-

<sup>1)</sup> Фотій ограничился этимъ намекомъ и не нашелъ нужнымъ разсказать папѣ о выпавшихъ на долю родителей и его самого преслѣдованіи за иконопочитаніе.

<sup>2)</sup> Эти строки могли-бы показаться за самовосхваленіе, если-бы онѣ не были такъ нужны для уясненія папѣ положенія дѣла

лить тамъ (ибо мнѣ была оказана эта высокая честь—по своему желанію опредѣлять продолжительность моего пребыванія во дворцѣ). При моемъ возвращеніи у воротъ меня уже встрѣчалъ нашъ ученый кружокъ. Тѣ, кто за выдающіяся дарованія пользовались бѣльшимъ довѣріемъ и свободою, упрекали меня за промедленіе; другіе довольствовались выраженіемъ привѣтствія; для нѣкоторыхъ было достаточно показать, что и они дожидались меня. И это дѣлалось въ кругу, гдѣ отношенія не порывались кознями, не нарушались завистью, не омрачались пренебреженіемъ. Кто, потерявъ разрушеніе подобной жизни, перенесъ-бы перемѣну добровольно и безъ сокрушеній? Всѣхъ этихъ радостей я лишился и оплакалъ ихъ; оторванный отъ нихъ, я пролилъ потоки слезъ, и мгла печали окутала меня“.

Были и еще мотивы отказываться отъ избранія. „Я зналъ заранѣе, до личнаго опыта, какъ много волненій и заботъ связано съ этой каедрой. Я зналъ тяжелый, необузданный характеръ смѣшаннаго населенія, его страсть къ спорамъ, его зависть, его склонность къ возстаніямъ и возмущеніямъ, его дерзость противъ правителей, ропотъ при неисполненіи того, чего оно требуетъ, его недовольство въ тѣхъ случаяхъ, когда поступаютъ не по его желанію, наконецъ, его презрительность и надмѣнность, когда исполняютъ его просьбу и уступчиво слѣдуютъ его волѣ, такъ какъ чернь (*ὄχλος*) склонна приписывать исполненіе своихъ желаній не свободной милости, а своимъ насильственнымъ требованіямъ. Но чернь, захватившая власть и пытающаяся управлять своимъ правительствомъ, готовитъ гибель и себѣ и правителю. Быстро гибнетъ корабль, если матросы, изгнавъ кормчаго, начинаютъ всѣ вмѣстѣ править судномъ; гибнетъ окончательно войско, если каждый солдатъ, не повинаясь вождю, заявляетъ притязаніе на должность командира. Но зачѣмъ перечислять все это?“ <sup>1)</sup>

Но постъ администратора и вообще не такъ уже пріятенъ. „Часто правителю бываетъ необходимо мѣнять свое лицо, дѣ-

<sup>1)</sup> Возможно, что эта страница письма вписана съ опредѣленной цѣлью. Запа долженъ понять, что онъ имѣетъ дѣло не съ новичкомъ въ дѣлѣ управленія, и убѣдиться, насколько основательны его возраженія противъ избранія Фотія, построенныя на требованіи отъ кандидата подготовленности

лать его угрюмымъ, хотя душа настроена иначе, являться съ свѣтлымъ лицомъ, хотя она печальна; обнаруживать гнѣвъ, когда его нѣтъ, улыбаться, когда огорченъ. Таково должно быть внѣшнее поведеніе (*ἢ σμηρῆ*)<sup>1)</sup> тѣхъ, которымъ суждено принять на себя управленіе толпой.

— А развѣ раньше было такъ?

— Для друзей—необременительный другъ, и никому не врагъ; что было въ душѣ, то и на лицѣ. Теперь-же представляется необходимость съ горечью осуждать друзей; пренебрегать, въ силу заповѣди, родными; для грѣшниковъ являться суровымъ. Всюду зависть; безпорядокъ съ теченіемъ времени приобрѣлъ силу. Нужно-ли перечислять остальное? Напр., что я терплю въ борьбѣ съ симоніей? Какимъ испытаніямъ ежедневно подвергаюсь, изгоняя мірскую дерзость изъ богослужебныхъ собраній (*τὰς κοινὰς παρόρθιας τοῦ ἱεροῦ περιζώποτος συλλόγου*), обуздывая небреженіе ко всему лучшему, чрезмѣрную заботливость о суетномъ?<sup>2)</sup> Неудивительно, если онъ уклонялся отъ избранія. „Предвидя все это заранее, я терзался душой и, чувствуя, что мнѣ не по силамъ искоренить все это зло, я бѣжалъ отъ избранія, отказывался отъ рукоположенія, сѣтовалъ на возлагаемый санъ. Но мнѣ не суждено было избѣгнуть предопредѣленнаго“.

Тѣмъ больнѣе обида, нанесенная ему Римомъ. „Однако, зачѣмъ пишу я это? Все это писалъ я уже раньше. Если мнѣ повѣрили, то я обиженъ, не встрѣчая состраданія; если не повѣрили, то снова обиженъ, не встрѣтивъ довѣрія тогда, когда я писалъ правду. Такимъ образомъ, я во всѣхъ отношеніяхъ несчастливъ. Тамъ, гдѣ я надѣялся найти облегченіе скорби, я встрѣтилъ укоръ; гдѣ искалъ утѣшенія, оттуда къ моей печали присоединили новую“.

„Но скажутъ: тебѣ не слѣдовало позволять обидѣть себя (*οὐ ἔδει σε ἀδικηθῆναι*)

— Говорите это тѣмъ, кто обидѣлъ.

— Не слѣдовало допускать принужденія.

— Правило прекрасное; но кто заслуживаетъ упрека въ его неисполненіи? Не тѣ-ли, кто прибѣгъ къ насилію? Кто заслу-

<sup>1)</sup> *Βαλετ* σελ. 150 σ.и 5. предлагаетъ вм. *σμηρῆ*—*ποινῆ*.

<sup>2)</sup> Не видно, чтобы Фотій хотѣлъ приписать недостатки церковной жизни невнимательности своихъ предшественниковъ, какъ отчасти ектоніевъ думать Гергенртеръ (В. I, 443).

живаетъ состраданія? Не тѣ-ли, кто подвергся насилію? Если бы кто-нибудь, оставивъ въ покоѣ причиняющаго насиліе, пожелалъ наказатъ насилуемаго, то я надѣялся-бы призвать вашу справедливость въ качествѣ судьи противъ него“.

Но Римъ предъявилъ ему обвиненіе въ незаконности его быстро возведенія на кафедру. Справедливо-ли оно? Нѣтъ. Во 1-хъ, если-бы даже и были нарушены каноны, то это могло быть поставлено ему въ вину лишь въ томъ случаѣ, если-бы онъ искалъ избранія; но онъ не искалъ; слѣдовательно, вина въ нарушеніи падаетъ не на него, а на его избирателей, и онъ вовсе не обязанъ оправдываться. Во 2-хъ, такихъ канонѣвъ, которые были-бы нарушены его избраніемъ, к-польская церковь, собственно, и не знаетъ. Въ 3-хъ, самъ папа не твердо настаиваетъ на томъ канонѣ, въ нарушеніи котораго обвиняется Фотій. Наконецъ, въ 4-хъ, можно указать немало историческихъ примѣровъ, когда міряне возводились на высоту епископства, считались законно избранными и оказывались достойными пастырями.

„Скажутъ, что каноны церковные нарушены, потому что съ степени мірянина ты вдругъ поднялся на высоту епископства. Но кто преступилъ ихъ: употребившій насиліе, или-же увлеченный силою и вопреки собственному желанію?“

— Но нужно было сопротивляться.—До какой-же степени? Я сопротивлялся и даже больше, чѣмъ можно требовать (*περιστοῦ δεῖστος*). И если-бы я предвидѣлъ, что можетъ возникнуть гораздо сильнѣйшая буря, сопротивлялся-бы до смерти“.

„Но что-же за каноны, которые нарушены? Константинопольская церковь не принимала ихъ до настоящаго дня“<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Hier macht sich Photius einer offenbaren Lüge schuldig, заявляетъ рѣшительно Гергенретеръ (В I 444—445). Это потому, что Николай опирался прежде всего на постановленіе (10) сардикійскаго собора, а сардикійскія правила на Востоку были давно известны. На нихъ дѣлалъ ссылки еще Іоаннъ Златоустъ; Іоаннъ Схоластикъ внесъ ихъ въ свой Номоканонъ; шестой вселенскій соборъ причислилъ ихъ къ каноническимъ памятникамъ, принятымъ церковью; патр Германъ упоминалъ ихъ наряду съ правилами другихъ помѣстныхъ соборовъ; въ недавнее время на нихъ ссылался Асбеста и Игнатій Самъ Фотій внесъ ихъ въ свой Номоканонъ. И вдругъ ояъ дерзко заявляетъ, что к-польская церковь не знаетъ такихъ канонѣвъ Фотій утверждаетъ о *всѣхъ* вообще каноническихъ выдержкахъ, приведенныхъ Николаемъ, то, что могъ съ правомъ утверждать только о *нѣкоторыхъ* — Справедливо, что правила сардикійскаго собора

Тамъ происходитъ нарушеніе канонѡвъ, гдѣ заповѣдуется ихъ исполненіе; а что не заповѣдано, несоблюденіе этого не

— — —

были извѣстны на Востокъ Правда, не въ справки Г-ра одинаково докательны. Въ своемъ письмѣ къ папѣ Никокентію I Златоустъ не называетъ сарднїйскаго собора и не цитуетъ его постановленій; напротивъ, отправляя такія-же письма къ епископамъ миланскому и аквилейскому, дѣйствуетъ въ противорѣчїи съ сардик. правилами, рекомендующими апеллировать только въ Римъ (Johan Chyrost Opera t XIII. Ed. Montfaucon Paris 1738 p. 5—9). Германъ, упоминая о сардик. соборѣ рядомъ съ пятью другими, не выдѣляетъ ихъ изъ ряда всякихъ вообще помѣстныхъ соборовъ (Patr. Gr. XCVIII. 84); но не всѣ помѣстные соборы были одинаково обязательны для церкви. Дѣлалъ-ли ссылку именно на сард. правила Асбеста, не ясно; отъ его посланника еп. Захарїи Николай слышалъ такую ссылку (Nicol. ep. XI *Mansi* XV, 263); но Захарїя могъ застѣись ею, уже находясь въ Римѣ и подъ римскими вліяніями. Тоже самое можно сказать о запискѣ Феогноста, которую Г-ръ упорно называетъ *Libellus Ignatii*. Что касается Фотїа, то его Номоканонъ составленъ имъ гораздо позднѣе описываемаго времени, и появленіе въ немъ сардик. постановленій можно объяснить вліяніемъ собора 861 года. Но какъ бы то ни было, у Іоанна Схоластика каноны сард. собора имѣются на лицо (tit. XVI *Voelli et Iustelli Bibliothecae juris canonici veteris t. II Parisiis 1661 p. 537—8*), какъ упомянуты они и Трульскимъ соборомъ (пр 2). При такихъ условїяхъ утвержденіе Фотїа могло быть отчасти неточностью, отчасти ошибкой, обусловленной наблюденіями надъ наличной жизнью к-польской церкви. Къ неточности доводъ подалъ самъ папа. Онъ смѣшалъ въ кучу сардикійское постановленіе съ декреталїями нѣсколькихъ папъ и присоединилъ ко всему этому свои собственные каноны, посланные чрезъ легатовъ собору 861 года. Точность требовала разобраться въ этомъ каноническомъ матеріалѣ и огвергнувъ одно, какъ не принятое к-польской церковью, признать другое. Фотїй ограничился бѣглою фразой, которая была справедлива гораздо болѣе, чѣмъ наполовину, но не была точной вполнѣ, что и даетъ его недоброжелателямъ поводъ къ столь серьезному обвиненію. Что касается ошибки, то возможность ея облегчалась тѣмъ, что въ наличной практикѣ к-польской церкви дѣйствіе сардик. правилъ было мало замѣтно, какъ это видно въ избранїи Тарасїа и Никифора, даже въ дѣятельности Игнатїа, назначившаго преемника Асбестъ до рѣшенїа его дѣла въ Римѣ. Сардикійскіе каноны значились въ каноническихъ сборникахъ; но ихъ авторитетъ или вообще мало прививался на Востокъ, или сталъ колебаться по мѣрѣ возвышенїа к-польской каведры и съ ростомъ соперничества между К-полемъ и Римомъ. Объ этихъ канонахъ иногда вспоминали (когда удобно было на нихъ опереться); въ другое время о нихъ забывали,—и можно было легко оказаться въ заблужденїи относительно того, руководится-ли ими вообще к-польская церковь. Если Трульскїй соборъ причислялъ ихъ къ дѣйствующему церковному праву, то нужно имѣть въ виду, что соборныя постановленїа не сразу входили въ жизнь церкви и упрачи-



влечеть обвиненія въ нарушеніи. Однако, я сказалъ достаточно, и даже болѣе, чѣмъ слѣдовало-бы. Ибо я вовсе не поставленъ въ необходимость оправдывать себя. Какъ это мыслимо, если я всячески пытался спастись отъ этой бури, освободиться отъ этой ноши? Если-бы я стремился къ каюедрѣ, то усиленно отстаивалъ-бы ее. Однако не была она для меня бременемъ только сначала, а потомъ предметомъ желаній; но какъ противъ воли я взошелъ на нее, такъ противъ воли и занимаю. Что мое вступленіе было вынуждено. нагляднымъ доказательствомъ этого, на ряду съ прочимъ, служить то, что отначала и доннѣ я желалъ освободиться отъ этой власти“.

Если-бы папа считалъ нарушеніе канона неустранимымъ препятствіемъ къ признанію выборовъ, то онъ долженъ былъ сразу и навсегда отказать признать Фотія патріархомъ и не давать ему условныхъ обѣщаній. „Если вы хотѣли написать мнѣ пріятное, то не слѣдовало писать: „все прочее правильно (*χαριτά*) и похвально,—мы принимаемъ. радуемся и благодаримъ Бога, такъ премудро управляющаго церковью. Но возведеніе изъ мірскаго званія не похвально; потому мы остаемся въ нерѣшительности, откладывая полное согласіе до возвращенія нашихъ апокрисіаріевъ“. Лучше было-бы написать: „мы не соглашаемся совершенно, мы не принимаемъ и во вѣки не примемъ того, кто домогался власти, кто купилъ ее, кто не получилъ правильного избранія, кто во всѣхъ отношеніяхъ дурной человекъ. Сойди съ престола, сложи пастырство“.—Кто написалъ бы такъ, тотъ написалъ бы мнѣ пріятное, хотя большая часть этого ложь. Но, кажется, нужно было, чтобы обиженный при своемъ

— — —

вались въ церковномъ сознаніи. Самъ папа Николай считалъ не семь, а только шесть вселенскихъ соборовъ (дурной переводъ актовъ седьмого собора не можетъ, конечно, служить этому достаточнымъ основаніемъ: отъ папы требовалась не цитация документовъ а признаніе факта): нѣкоторыя помѣстные западныя церкви въ IX вѣкѣ принимали только 4, другіе 6 соборовъ (*Neugedichte* I, 520 Anm. 51). Но если такъ, то разбиралое заявленіе Фотія можетъ навлечь на него только упрекъ въ неточности и частичной ошибкѣ; рѣзкое сужденіе Г-ра совершенно не оправдано.—Характерно, что Г-ръ принимаетъ всѣ чѣры, что-бы объяснить и оправдать замалчиваніе Николаемъ седьмого собора, и употребляетъ всѣ услія завинтить Фотія во лжи.

вступленіи былъ обиженъ и при уходѣ, чтобы сурово и противъ воли втолкнутой еще суровѣе и поспѣшнѣе былъ вытолкнуть. Но тотъ, кто такъ настроенъ и такъ думаетъ, мало заботится объ опроверженіи клеветы, все значеніе которой въ томъ, чтобы лишить его каѳедры. Сказаннаго, повторяю, достаточно“.

Не трудно доказать историческими примѣрами, что церковь допускала избраніе епископовъ непосредственно изъ мірянъ <sup>1)</sup>, и отмѣтить эти случаи необходимо тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о памяти лицъ, высоко чтимыхъ церковью. „Такъ какъ изъ-за меня и вмѣстѣ со мною подвергаются опасности быть оклеветанными и наши предшественники, святые и блаженные отцы какъ Никифоръ и Тарасій (ибо и они взшли на высоту архіерейства изъ мірскаго состоянія, а это были немеркнушіе свѣтильники нашего времени, громкіе глашатаи благочестія, жизнью и словомъ утвердившіе истину), то я счелъ необходимымъ прибавить къ сказанному недостающее, чтобы показать, какъ эти блаженные мужи чисты отъ всякой вины и выше всякой клеветы. И если никто не осмѣливается обвинять ихъ, то осуждающій возведеніе въ священство изъ мірянъ попадаетъ въ противорѣчіе (*κατ'ἑναντίον προβόλις*): долженъ порицать тѣхъ, кого считаетъ выше порицаній (*μειζοῦται μὲν οἷς οὐ μείζοται*), — ибо и они были возведены изъ мірянъ,— и вынужденъ осуждать тѣхъ, кого чтитъ и кому удивляется. Неужели эти мужи—Никифоръ и Тарасій, свѣтившіе въ земной жизни подобно звѣздамъ, бывъ избраны на архіерейство, управляли церковью вопреки канонамъ и церковному благочинію? Да не будетъ, чтобы я сказалъ подобное слово или выслушалъ его отъ другого. Ибо они были строгими стражами канонѳвъ, поборниками благочестія, обличителями порока, свѣтильниками міра, по слову Божію твердо держались слова жизни. И если они не соблюдали канонѳвъ, какихъ не знали, то никто по справедливости не можетъ осуждать ихъ <sup>2)</sup>. Но за

<sup>1)</sup> Въ Римѣ въ половинѣ VIII в были случаи избранія изъ мірянъ (Константинъ въ 767 г.), что сопровождалось тяжкими смутами. Неудивительно, если Николай такъ настойчиво борется съ этимъ порядкомъ.

<sup>2)</sup> Опять Гергенретеръ обвиняетъ Фотія во лжи: Тарасію не могли быть неизвѣстны каноны, запрещающіе возведеніе въ епископы изъ мірянъ. Это обвиненіе столь-же безспорно, какъ разобранное равнше

то, что они сохранили преданное имъ, они и прославлены отъ Бога“.

„Ибо сохранять заповѣданное есть дѣло твердаго, отклоняющаго всякое нововведеніе характера; а возводить безъ особой нужды въ законъ и предписывать къ исполненію то, что не предано, это излишество характера неустойчиваго и склоннаго къ новшествамъ. Каждый сдерживается въ границахъ и управляется собственнымъ правиломъ и въ собственной мѣрѣ. Многія правила однимъ преданы, а другимъ неизвѣстны. Принявшій и нарушившій достоинъ наказанія; но не знавшій ихъ или не принявшій—какъ можетъ подлежать обвиненію? Многіе законы, данные опредѣленнымъ лицамъ, если исполнялись, дѣлали исполнителей слугами Божиими; но и тѣ, кто не получилъ ихъ и потому не обращалъ на нихъ вниманія, признавались тѣмъ не менѣе друзьями Божиими.

— Примѣры подъ руками.

— Не говоря о другихъ, Авраамъ былъ обрѣзанъ, получивъ отъ Бога законъ обрѣзанія; Мельхиседекъ, по неизвѣстности своего происхожденія и своего конца изображавшій Сына Божія, не былъ обрѣзанъ. Однакожъ, восхваляя исполненіе заповѣди Авраамомъ, Богъ никогда не укорялъ Мелхиседека въ ея нарушеніи. Если-бы кто нибудь предъявилъ ему обвиненіе въ беззаконіи, то обвинилъ-бы скорѣе самого себя (за то, что рѣшился на это), чѣмъ его. И однакожъ для потомковъ Авраама, подлежавшихъ тому же закону, его нарушителю грозило наказаніе смертью не только со стороны людей, но и со стороны самихъ ангеловъ. Но Авраамъ и Мелхиседекъ, различаясь въ единственномъ отношеніи, были подобны другъ другу въ вѣрѣ и служили единому Господу, и потому между ними не могло быть взаимныхъ укоровъ. Полное, не нарушимое новшествами (*ἀκαινοτόμητος*) общеніе въ соотвѣтствующихъ важнѣйшихъ пунктахъ не позволяло обращать вниманіе и придавать значеніе разности въ остальномъ“.

Нужно строго различать постановленія вселенскихъ соборовъ, обязательныя для всей церкви, и мѣстныхъ соборовъ или частныхъ мнѣній Отцовъ, общеобязательной силы не имѣющія. „Дѣйствительно, существуютъ законы, общіе для всѣхъ, которые должны исполняться всѣми. Таковы прежде

всего законы, касающіеся вѣры, даже ничтожное уклоненіе отъ которыхъ есть уже смертный грѣхъ. Другіе заповѣданы только нѣкоторымъ: ихъ нарушеніе наказуемо для тѣхъ, кому они преданы для исполненія; а для тѣхъ, которые ихъ не получали, ихъ неисполненіе не влечетъ никакой вины и никакого наказанія. Что утверждено опредѣленіемъ вселенскихъ соборовъ, то всѣ должны сохранять. Но что какой-либо изъ Отцовъ постановилъ частнымъ образомъ, или что узаконилъ мѣстный соборъ, то хотя не доказываетъ суевѣрія соблюдающихъ это постановленіе, но зато и не принимающіе его не подвергаются за несоблюденіе опасности“. Можно указать немало примѣровъ того, что обычаи, принятые въ одной помѣстной Церкви, не признаны и даже запрещены въ другой. „Такъ для однихъ бриться и стричься предписывается старымъ мѣстнымъ обычаемъ; другимъ это запрещено даже соборными постановленіями. Обо всемъ этомъ нужно было сказать, какъ слѣдуетъ; и мы сказали. А если-бы мы привели постановленіе въ Сидѣ, <sup>1)</sup> то это могло-бы показаться грубымъ и совершенно неумѣстнымъ. Такъ у насъ, постыющихся только одинъ субботній день, поститься въ прочія субботы подлежитъ осужденію; другіе постятся болѣе чѣмъ въ одну субботу, и тамошнее преданіе,

<sup>1)</sup> Бароній (ан. 861 п 44). Jager (р 67) и Гергенрестеръ (В I S 448 Ann 44) думаютъ, что Фотій имѣетъ въ виду случай съ епископомъ Евстахіемъ (Евстахіемъ) Этотъ епископъ добровольно отрекся отъ кафедры, и мѣстный соборъ назначилъ ему преемника; но потомъ на ефесскомъ соборѣ онъ снова ходатайствовалъ о возвращеніи ему епископскаго имени и сана. потерянныхъ имъ по тогдашнимъ обычаямъ въ силу отреченія. и его просьба была удовлетворена. Но мнѣнію указанныхъ ученыхъ, Фотій косвенно выражаетъ желаніе, чтобы такая-же мѣра возвращенія сана безъ власти была примѣнена по отношенію къ Игнатію. Если бы это было такъ, то суровое рѣшеніе собора 861 года пришлось-бы признать состоявшимся не только помимо, но и противъ желанія Фотія. Валетта даетъ болѣе простое объясненіе данному мѣсту (*op. cit.* 1) Фотій, выше говорившій объ остриженіи волосъ, теперь дѣлаетъ ссылку на мѣстный соборъ, запретившій остриженіе: и есть основанія думать, что соборъ въ Сидѣ, созывавшійся по поводу ереси массалианъ (*Photii Biblioth. cod. 52, P. 6 CIII, 88*), принялъ соответствующее постановленіе, такъ какъ извѣстно между прочимъ что массалианъ упрекали (Епифаній) за остриженіе бороды. Мѣсто во всякомъ случаѣ остается темнымъ. Но объясненіе, принимаемое Громъ, характерно въ устахъ этого ученаго, который, конечно, ставитъ рѣшеніе собора 861 г въ прямую вину Фотію

въ силу обычая возобладавшее надъ канонѣмъ, считается свободнымъ отъ порицанія. Въ Римѣ ни одинъ священникъ не можетъ жить въ законномъ бракѣ: а мы научены только единобрачныхъ возводить въ санъ священника, и если кто отказывается принимать изъ ихъ рукъ тѣло Господне, то мы такихъ окончательно отлучаемъ, приравнивая отвергающихъ законъ брака къ тѣмъ, кто распутство возводитъ въ законъ <sup>1)</sup>. Далѣе, у насъ всякій, производящій діакона во епископы, обходя степень пресвитерскую, осуждается, какъ тяжкій грѣшникъ; но у нѣкоторыхъ какъ изъ пресвитеровъ, такъ прямо изъ діаконѣвъ возводятъ во епископы, минуя посредствующую степень <sup>2)</sup>. Какъ велико, однакожь, разстояніе между ними! Различны и молитвы при посвященіи въ каждую степень и санъ, различны и обряды; различны, далѣе, обязанности, различны наблюдаемыя времена, различны способы испытанія нравственной годности. Но кто не получилъ этихъ обычаевъ въ качествѣ закона, тотъ всегда можетъ находить въ этомъ оправданіе въ ихъ неисполненіи и не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности. Между тѣмъ, у насъ сдѣлавшій это не встрѣтилъ-бы ни малѣйшаго снисхожденія. Ибо нарушеніе и менѣе важныхъ законовъ, оставленное безъ наказанія, ведетъ за собою пренебреженіе къ важнѣйшимъ. Во многихъ странахъ совершенно запрещено монахамъ употребленіе мяса не ради отвращенія къ нему, но ради воздержанія; въ иныхъ-же такое воздержаніе соблюдается только въ извѣстное время. Я слышалъ отъ весьма достовѣрныхъ людей, что въ Александріи отъ имѣющаго быть епископомъ требуется обѣтъ никогда не воздерживаться отъ мясной пищи, что вошло здѣсь въ обычай по какому-нибудь особенному случаю. У насъ монахи не мѣняютъ своей одежды на одежду клирика: у другихъ же, когда хотятъ возвести монаха въ епископскій санъ, мѣняютъ его внѣшній видъ, подстригая ему волосы въ кружокъ. Такъ относятся къ вещамъ, гдѣ не нарушаются ни вѣра ни общеобязательный законъ. Такъ какъ обычай и частные за-

<sup>1)</sup> Трульскъ собора Пр 13 и 3 Гангр 4.

<sup>2)</sup> Этотъ обычай былъ довольно распространенъ въ практикѣ римской церкви и особенно на югѣ Германіи. Самъ папа Николай былъ возведенъ въ епископа непосредственно изъ діаконѣвъ (*Parisol* op. cit. p. 358—359).

коны у разныхъ церквей и народовъ различны, то никто умѣющій судить справедливо, не обвинитъ ни тѣхъ, кто ихъ хранитъ, ни тѣхъ, кто ихъ не принялъ. При такихъ различіяхъ всегда возможно, что порицаемое нами будетъ признано (гдѣ-либо) безукоризненнымъ, если оно соотносительно вышеупомянутымъ обычаямъ; и то, что относится къ области преступнаго и негоднаго, можетъ быть причислено къ наиболѣе похвальному и прекрасному, что выполнять проповѣдуется и словомъ, и мыслию, и лицомъ. Ибо какъ не прославлять того, кто, не достигнувъ еще священническаго достоинства, такъ направилъ свою жизнь, что весь клиръ и все церковное собраніе отдастъ ему предпочтеніе при выборѣ архіерея <sup>1)</sup>. Но есть вещи, которыя дѣлаютъ, насколько мнѣ извѣстно, и съ которыми не соглашаются и въ которыхъ не сознаются, по причинѣ-ли ихъ нелѣпости, или по очевидному противорѣчію съ истиной, или же я не знаю, по какимъ побужденіямъ. Какой христіанинъ не отрекся-бы отъ соблюденія субботы, хотя-бы дѣлалъ это много разъ? Кто сочтетъ дозволеннымъ отвращаться брака, если только онъ не предпочтетъ мнѣнія тѣхъ негодныхъ и безбожныхъ людей мысли Творца и существующему по его благодати бытію? Кто не боится сознаться въ нарушеніи божественныхъ, соборныхъ и отеческихъ постановленій (не говоря частно о каждомъ)?—Доказано, что въ разные времена, и на великую пользу невѣсты Христовой церкви, избравшій святую жизнь возводился изъ мірянъ въ епископство, и это согласно съ преданіемъ божественныхъ Отцовъ, выраженнымъ не словомъ, а примѣромъ. Обрати, если угодно, вниманіе, помимо уже сказаннаго, на разности, существующія въ литургіяхъ, молитвахъ и возгласахъ въ порядкѣ и послѣдованіи, въ большей или меньшей продолжительности, сложности или краткости. И однако за всѣми литургіями (о, чудо!) обыкновенный хлѣбъ измѣняется въ тѣло Христово и обыкновенное вино дѣлается кровью Того. Кто пролилъ ее съ водою изъ собственнаго ребра. Эти различія и измѣненія не препятствовали тѣмъ, ради кого это

<sup>1)</sup> Эти слова имѣютъ въ виду прежде всего упомянутыхъ выше Тарасія и Никифора. Намекалъ ли Фотій на свои собственные качества, сказать трудно; это дѣло его совѣсти.

совершается, принимать единообразно и неизмѣнно единую боготворящую (*θεολογία*) благодать Духа. Равнымъ образомъ у насъ, по нашимъ правиламъ, для удостовѣренія истины, даже при обвиненіи епископа, достаточно трехъ свидѣтелей, лишь бы они были безукоризненны. У другихъ-же, если число свидѣтелей не превыситъ семидесяти, обвиняемый не подлежитъ осужденію, хотя-бы былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія <sup>1)</sup>. У меня не хватило-бы времени, если-бы я захотѣлъ изложить всѣ разности: но думаю, что и сказаннаго достаточно для людей благомыслящихъ и для тѣхъ, кто не склоненъ больше упрекать, чѣмъ понимать <sup>2)</sup>. Какое значеніе можетъ имѣть при посвященіи форма остриженія волосъ и продолжительность времени? Поведеніе, а не внѣшній видъ дѣлаютъ человѣка достойнымъ священства, хотя-бы еще никто не возлагалъ на него рукъ, никто не произносилъ надъ нимъ молитвъ. Но многіе при отсутствіи добрыхъ нравовъ пользуются почетомъ за свою внѣшность и остаются съ этимъ. Остриженіе волосъ есть знакъ свободаго отъ мертвыхъ дѣлъ поведенія. Кто сохраняетъ свою жизнь насколько возможно незапятнанной, тотъ, по моему мнѣнію, нисколько не уступаетъ въ добродѣтели носящему внѣшніе знаки ея, хотя-бы чистота его жизни не разглашалась во всеуслышаніе подобнымъ знакомъ“. Предупреждая упреки въ самовосхваленіи, Фотій продолжаетъ: „не въ свою похвалу говорю я это (да не будетъ!), ибо мнѣ столько-же не достааетъ добрыхъ нравовъ, сколько и внѣшняго вида. Я такъ далекъ отъ того, чтобы говорить это о себѣ самомъ. что нахожу болѣе разумнымъ предстать предъ тѣми, кто желаетъ посмѣяться надо мною, скорѣе со стороны добродѣтельной жизни, необходимой для священства, чѣмъ со стороны внѣшняго поведенія. Не о себѣ, а о тѣхъ, кто названъ выше, написано это. Ибо когда дурно говорятъ объ отцахъ, я боюсь не выступать на защиту. Молчать, когда нужно защищать, не многимъ отличалось-бы отъ насмѣшки (*χοιμήσις*). Подвергаться-же обвиненію въ отцеубійствѣ противно самой природѣ. Итакъ, не можетъ подлежать обвиненію Та-

<sup>1)</sup> Римская церковь, руководившаяся этимъ правиломъ не повимата его такъ буквалистически (Сf. *Heugenholtz* I, S. 451).

<sup>2)</sup> Намекъ на папу Николая

расіи и Никифоръ, показавшіе жизнь, достойную епископскаго престола, раньше, чѣмъ приняли ви́шній образъ. Не подлежитъ порицанію и Амвросій, ибо никто изъ латинянь не рѣшится на это, какъ я знаю,—Амвросій, украшеніе латинства, на ихъ языкѣ написавшій столько назидательныхъ сочиненій. Нектарій не подлежитъ упреку, ибо вселенскій соборъ подтвердилъ за нимъ епископское достоинство; обвинять его значило-бы обвинять вселенскій соборъ; и однакъжъ тотъ и другой не только были возведены на архіерейство изъ мірянъ, но даже принадлежали къ числу некрещенныхъ, такъ что удостоились одновременно и дара крещенія и благодати епископства. Если никто, кромѣ способнаго на всяческую дерзость, не рѣшится обвинить этихъ двухъ, то не обвинять ни Тарасія, нашего двоюроднаго дѣда (*τὸν ἡμέτερον πατρόθειον*), ни Никифора, достойнаго преемника и рода его, и престола, и добродѣтелей. Оставляю въ сторонѣ Григорія, отца Богослова, Фалассія Кесарійскаго и сонмъ прочихъ епископовъ, которые, тѣмъ-же порядкомъ получивъ предстоятельство въ церкви, стояли выше всякаго упрека и всякой клеветы“.

„Это сказано въ защиту тѣхъ, за кого слѣдовало говорить. За себя-же я говорю и всегда скажу только одно: противъ воли я былъ возведенъ на престолъ и не по доброй волѣ занимаю его донынѣ“.

Фотій не считаетъ незаконнымъ свое избраніе; но обычный порядокъ, на которомъ такъ настаиваетъ и папа, и котораго придерживается и восточная церковь, можетъ быть подтвержденъ, въ цѣляхъ общаго умиротворенія, къ руководству на будущее время. „Чтобы доказать вашей отеческой любви нашу внимательность (*τὸ περίηριον*) и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать яснымъ, что мы высказали все не изъ страсти къ спорамъ, но въ оправданіе нашихъ блаженныхъ отцовъ, мы согласились постановить соборнымъ опредѣленіемъ, чтобы избранный изъ мірянъ или монаховъ вообще не возводился въ санъ епископа, если не пройдетъ послѣдовательно прочихъ степеней священства“ <sup>1)</sup>. Мотивы такой уступки Риму слѣдующіе. „Гдѣ среди братьевъ возникаетъ болѣзнь соблазна (*βλασφημία*), а лѣченіе безвредно, то,

<sup>1)</sup> 17 прав собора 861 года



хотя мы и слышали наставленіе: *оставьте ихъ предаваться соблазну* (Мѡ. XV, 12—14), когда кто-либо по доброй волѣ ослѣпляется завистью и неудовольствіемъ, мы однако готовы устранить поводъ къ соблазну и быстро излѣчить болѣзнь чрезъ удаленіе причины смуты. Принять это положеніе и дать силу вашимъ канонамъ по отношенію къ прошлому—значило-бы оскорблять отцовъ и привлекать къ отвѣтственности тѣхъ, которые не сдѣлали ничего несправедливаго. Но допустить ихъ на будущее время и по приговору многихъ передать потомкамъ, это не причиняетъ отцамъ оскорбленія и ни на кого не навлекаетъ незаслуженнаго наказанія или ущерба. Все установленное должно исполнять; а чтобы дѣти повиновались отцамъ, это справедливо и благочестиво (*δβιον*). Потому мы перваго не приняли, но отвергли и другимъ совѣтовали и будемъ совѣтовать отвергнуть, а второе усвоили вполнѣ и возвели въ соборное опредѣленіе. О, если-бы константинопольская церковь издревле соблюдала это правило! Тогда я, быть можетъ, избѣгъ-бы невыносимаго принужденія и множества затопляющихъ и подавляющихъ меня испытаній. Но для другихъ этотъ канонъ написанъ къ ихъ спасенію и освобожденію отъ заботъ; для меня же—гдѣ найдется средство избавленія отъ безпрерывныхъ тягостей и страданій?“

Велики трудности епископства.

„Слабыхъ нужно укрѣплять; невѣждъ обучать; воспитывать невоспитанныхъ; нерадивыхъ (*οἱ πόλις ἐπιτροβήσονται*) исправлять словомъ, упрямыхъ побуждать карами (*ταῖς μίστιξι*); трусливымъ и лѣнливымъ внушать мужество; жаднымъ—презрѣніе къ богатству и любовь къ бѣдности; честолюбивыхъ обуздывать и приучать стремиться къ той чести, которая возвышаетъ душу къ высшему благородству и богоподобію; высокоумныхъ низводитъ съ ихъ высоты и побуждать къ скромности; развратныхъ сдерживать и наставлять умѣренности; препятствовать неправдѣ и внушать справедливость; гнѣвливыхъ смягчать; малодушныхъ ободрять; и зачѣмъ перечислять по частямъ? необходимо вообще приложить всѣ усилія, чтобы спасти всѣхъ, хотя-бы противъ ихъ воли, отъ пагубныхъ привычекъ, страстей и пороковъ, поработившихъ душу и осквернившихъ тѣло, и сдѣлать ихъ истинными слугами Христа. И кто, обремененный заботами о такомъ

множествѣ столь важныхъ дѣлъ, не пожелалъ-бы скорѣ лишиться власти, чѣмъ ее получить?“ Борьба съ еретиками увеличиваетъ тяжесть епископскаго служенія. „Вокругъ меня безбожники: одни хулятъ Христа, ругаясь надъ Его образомъ; другіе сливаютъ или отрицаютъ двѣ природы въ Немъ; иные, вводя новую природу, отвергаютъ прежнюю и извергаютъ тысячи хуленій на четвертый соборъ. Наша борьба съ ними вновь возгорѣлась и, хотя затянулась на долгое время, но многихъ привела въ послушаніе Христу. О, если-бы я могъ всѣхъ ихъ ловить для Христа!“

Наряду съ еретиками, врагами церковнаго мира являются схизматики, которые опасны не менѣе, если не болѣе первыхъ, такъ какъ строятъ свои козни въ тайнѣ <sup>1)</sup>.

„Лисицы снова выходятъ изъ своихъ норъ и, вводя въ обманъ наиболѣе простодушныхъ и довѣрчивыхъ, поѣдаютъ ихъ, какъ цыплятъ. Я разумѣю лисицъ-схизматиковъ, злоба которыхъ крадется изподтишка, а причиняемый вредъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ отъ открытыхъ козней. Ибо, проникая въ дома, они, по слову божественнаго апостола (2 Тимое. III, 6—8), обольщаютъ утопающихъ во грѣхахъ женщинъ (*υπερβολικας*), въ которыхъ находятъ добычу своего разгула (*υποτροφιαν*). суетнаго славолюбія, своего нечистаго сладострастія, и искусно устраиваютъ возмущеніе противъ церкви. Ибо толпа обычно, вслѣдствіе слабости и неустойчивости ея мысли, склонна скорѣ отдаваться новшествамъ и преобразованіямъ, чѣмъ держаться твердыхъ, испытанныхъ постановленій. И если огонь дерзости и наглости этихъ схизматиковъ сразу потушенъ соборнымъ постановленіемъ <sup>2)</sup>, утвержденнымъ вашей отеческой святостью чрезъ вашихъ достопочтенныхъ представителей; то все-таки дымъ (отъ пламени) еще очень ѣдокъ и тягостенъ для тѣхъ, которые ревностно стараются предстоять своему стаду и самый незначительный проступокъ подчиненныхъ принимаютъ за великій для себя

<sup>1)</sup> Характеристика схизматиковъ лишь отчасти приложима къ игнатіанамъ большинство послѣднихъ выступало противъ патріарха въ открытой борьбѣ и вовсе не походило на лисицъ, какъ ихъ называетъ Фогій. Только небольшая часть игнатіанъ могла пользоваться средствами тайной агитаціи. Однако мѣры борьбы съ схизматиками, о которыхъ говорить Фогій, могли имѣть въ виду и партію игнатіанъ.

<sup>2)</sup> Прав 13—15 собора 861 г.

ущербъ. Впрочемъ, установленные теперь каноны, исполненіемъ которыхъ римская церковь сохранила себя неповрежденной, не испытавъ раскола отъ безразсудства схизматиковъ, можетъ быть, разсѣютъ дымъ, разгонятъ темноту и дадутъ мнѣ утѣшеніе въ моей скорби. Но вышеуказанный канонъ не единственный, который былъ установленъ къ исполненію по вашему совѣту (*κατὰ τὴν ὑμετέραν παραίτησιν*); съ общаго согласія (*συμφυδοχοῦντων πάντων*) были постановлены и другіе, которые съ одной стороны своимъ авторитетомъ приведутъ церковь къ миру, а съ другой принесутъ подобающую честь и славу тѣмъ, которые уже давно приняли ихъ, но передали другимъ только теперь“.

Что касается просьбы папы о возвращеніи ему иллирійскихъ провинцій и права ставить сиракузскаго епископа, то эта просьба не можетъ быть выполнена, но не по винѣ Фотія. „Ни одно изъ постановленій вашей отеческой святости не было-бы исключено изъ соборныхъ опредѣленій, если-бы не воспрепятствовали принятію прочихъ отказъ императора, который сильнѣе меня. Поэтому я, совмѣстно съ достопочтенными легатами, счелъ полезнымъ не губить всего дѣла стремленіемъ отстоять все, но, при достиженіи большей части, помириться съ потерей остального. Конечно, лучше добиться всего, къ чему стремились. Но было-бы неразумно, получивъ большее, слишкомъ печалиться о недополученномъ и, заводя объ этомъ споръ, рисковать потерей всего. Поэтому мы утвердили соборнымъ постановленіемъ то, за что высказались всѣ единогласно, и эти опредѣленія прилагаемъ къ письму вмѣстѣ съ изложеннымъ раньше. Относительно тѣхъ, которые издавна получали посвященіе изъ Рима (*αὐτόθι*), легаты вашего святѣйшества сообщили намъ, что они должны вернуться къ своей прежней матери церкви (*παροικήσις*) и соединиться съ нею. Но если-бы это зависѣло только отъ моей воли и силы и здѣсь не были замѣшаны интересы государства (то, конечно, это было-бы сдѣлано); тогда не было-бы нужды ни въ какой защитѣ, которую замѣнило-бы самое дѣло. Но такъ какъ церковныя права, особенно касающіяся областей и границъ, измѣняются обычно вмѣстѣ съ политической властью и управленіемъ, то, конечно, благомысліе (*εὐνομοσύνη*) вашей святости, признавъ мое желаніе быть сговорчивымъ и уступчивымъ, неисполненіе вашей

просьбы поставить въ вину не мнѣ, а политическимъ обстоятельствамъ. Что касается меня, то я не только готовъ, по долгу справедливости и ради желаннаго мира, возвратить принадлежавшее раньше другимъ, но охотно уступилъ-бы часть того, что прежде находилось подъ юрисдикціей моего престола, если-бы этого потребовалъ человѣкъ, болѣе другихъ сильный и способный къ управленію. Ибо кто даетъ мнѣ не принадлежавшее, тотъ возлагаетъ на меня еще большее бремя, увеличивая мои заботы; а кто съ любовью ищетъ снять съ меня что-нибудь изъ принадлежавшаго мнѣ, тотъ оказываетъ мнѣ, уступающему, милость, большую той выгоды, какая достается на долю ему, получающему; ибо онъ облегчаетъ мнѣ тяжесть епископства. Если меня обязываетъ къ благодарности тотъ, кто съ любовью беретъ у меня мое, то кто, при отсутствіи препятствій, не отдастъ-бы съ радостью тому, кто требуетъ обратно своего, тѣмъ болѣе столь высокому отцу, заявляющему свое желаніе чрезъ такихъ дѣльныхъ и богоугодныхъ мужей“.

Слѣдуетъ отзывъ о легатахъ. „Ибо дѣйствительно, посланники вашего отеческаго совершенства, по уму, добродѣтели и многоопытности, выдающіеся люди, которые своимъ поведеніемъ дѣлаютъ, какъ апостолы Христу, честь посланному ихъ.“

„И изложилъ имъ большую часть того, что нужно было сказать и написать, увѣренный, что они лучше всего въ состояніи рассказать истину и заслуживаютъ большаго довѣрія, чѣмъ другіе“.

„Сначала я не хотѣлъ даже ничего писать о себѣ, особенно въ виду того, что ваша святость желала получить достовѣрныя извѣстія обо всемъ не чрезъ письмо, а чрезъ своихъ легатовъ. Но чтобы мое молчаніе на первыхъ порахъ не было принято за пренебреженіе, я бѣгло изложилъ то, что касается меня лично, но многое опустилъ, на что требуется большій досугъ. Благочестивѣйшіе легаты, которые большею частью сами все видѣли и слышали, могутъ дать ясныя показанія, если ваша благородная проницательность пожелаетъ разузнать обо всемъ.“

„Въ заключеніе моего (боюсь) слишкомъ длиннаго письма, я хочу прибавить то, о чемъ я почти позабылъ, но что необходимо сказать. Исполненіе каноновъ обязательно для

каждаго разумнаго человѣка, еще болѣе тѣмъ, кому Провидѣніе удостоило довѣрить управленіе другими; и всего болѣе—получившимъ среди нихъ первенство <sup>1)</sup>). Ибо чѣмъ они выше стоятъ, тѣмъ болѣе обязаны къ соблюденію законовъ. Каждый ихъ проступокъ, разъ они поставлены на высоту, гораздо скорѣе доходитъ до общаго свѣдѣнія; черезъ нихъ и другіе должны или приводиться къ добродѣтели или вовлекаться въ порокъ. Поэтому и ваше многовозлюбленное блаженство, всячески заботящееся о церковномъ благочиніи и поддерживающее каноническій порядокъ, не должно принимать безъ разбору тѣхъ, кто является отсюда въ римскую церковь безъ рекомендательныхъ писемъ, и не допускать, чтобы подъ предлогомъ гостепримства между братьями сѣялись сѣмена раздора и ненависти. Для меня очень пріятно и достопочтеннѣе многоаго другого, что имѣющіе такое желаніе путешествуютъ къ вашей отеческой святости и свидѣтельствуютъ цѣлованіемъ ногъ <sup>2)</sup> свое уваженіе; но что безъ моего вѣдома и безъ рекомендательныхъ писемъ предпринимаютъ незаконное паломничество въ Римъ, это не можетъ быть пріятнымъ и угоднымъ ни для меня, ни для каноновъ, ни для вашего безпристрастнаго сужденія. Я умолчу объ остальномъ, что обычно происходитъ, когда такія путешествія предпринимаются не по правиламъ,—всѣ эти столкновенія, возмущенія, споры и распри, клеветы, замыслы, мя-

<sup>1)</sup> Здѣсь кончался равнѣ извѣстный, обнародованный папр. Досиеемъ въ *Τόμος χαρας* греческій текстъ письма У Баронія имѣлся латинскій переводъ заключительной части письма; Маи обнародовалъ ея греческій оригиналъ (*Mai, Nova Patrum Biblioth. Rom 1847. t IV, p. 51*). Въ начальныхъ строкахъ заключенія гдѣ говорится о лицахъ, получившихъ первенство (*πρωτεύειν λαχούσαν*), хотѣли видѣть выраженіе признавія Фотіемъ папскаго примата (Маи). Между тѣмъ здѣсь имѣются въ виду всѣ патріархи и уже какъ одинъ изъ патріарховъ—папа (Ср *Pichler, Geschichte der Kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident B I München 1864 S 183 Anm. 4. Valletta op. cit. 163 op. cit. 1*). Почтительный тонъ Фотія по отношенію къ папѣ дать, повидимому, поводъ и Pichler'у предположить, что Фотій признавалъ приматъ папы (S 180 fig). Однако со держаніе письма не подтверждаетъ этого предположенія: Фотій, отдавая папѣ должное почтеніе, далеко отъ подчиненія ему и въ концѣ письма даже ставитъ папѣ на видъ нарушеніе имъ церковныхъ каноновъ.

<sup>2)</sup> Валетта находитъ возможнымъ предполагать, что или въ первоначальномъ текстѣ стояло не *ἀπολαύειν ἰγῶν*, а *ἀπολαύειν εἰγῶν*, или же Фотій проинизируетъ надъ папой (*Valletta op. cit. 164*)

тежи, и упомяну только то, что происходит на наших глазахъ. Бываетъ, что люди, запятнавъ здѣсь свою жизнь постыдною распущенностью и ожидая приелеченія къ отвѣтственности за свои проступки, обращаются въ бѣгство подъ почтеннымъ предлогомъ набожности, придавая побѣгу видъ богомолья и прикрывая постыдное поведеніе добрымъ названіемъ. Одни изъ нихъ нарушили чужіе браки, другіе уличены въ воровствѣ, или предалися пьянству, или поработились распутствомъ: нѣкоторые оказались убійцами несчастныхъ, другіе погрязли въ прочихъ нечистыхъ страстяхъ. Если таковыя, какъ мы сказали, видятъ угрожающее имъ наказаніе, то спѣшатъ, приведя все въ безпорядокъ и смятеніе, бѣгствомъ избавиться отъ заслуженнаго наказанія за свои постыдныя дѣла. Необразумленные наставленіемъ, неисправленные наказаніемъ, неочищенные отъ ихъ пороковъ, они будутъ въ погибель себѣ и другимъ. Благодаря этому, для всякаго, желающаго утопать въ страстяхъ, широко открываются врата погибели. Ибо они имѣютъ возможность избѣжать осужденія, отправившись въ Римъ подъ предлогомъ богомолья. Пусть-же ваша боговозлюбленная и поборающая человѣческія страсти глава слѣдитъ за ихъ злокозненными замыслами и дѣлаетъ бесполезными и безрезультатными ихъ хитрости и коварныя планы, неуклонно отсылая пришедшихъ въ Римъ безъ рекомендательнаго письма обратно туда, откуда они бѣжали съ худыми цѣлями и противозаконно.<sup>1)</sup> Черезъ это лучше всего было-бы достигнуто ихъ собственное спасеніе, проявлена забота о душѣ и тѣлѣ, возстановленъ общій порядокъ и укрѣплена братская любовь“.

Цѣнная въ историческомъ отношеніи, апологія Фотія представляется и любопытнымъ дипломатическимъ документомъ. Искусно построенная, удачно и основательно аргументированная, апологія почтительно, но не подобострастно, вѣжливо, но не унижая достоинства автора, отвергла доводы папы и отстояла позиціи Фотія. Исползованы всѣ средства защиты. Напомненъ принципъ любви, какъ высшая норма человѣческихъ отношеній, указана необходимость сочувствія къ тя-

<sup>1)</sup> Въ числѣ такихъ лицъ могли подразумѣваться и игнатіане. Какъ личные враги Фотія, они могли быть особенно опасны для добрыхъ отношеній между церквами (какъ потомъ и оказалось).

жести его положенія, заявлено требованіе справедливой оцѣнки факта его избранія, выдвинуть, наконецъ, рядъ соображеній, историческихъ, каноническихъ и бытовыхъ справокъ, которыя изъ апологіи личности превращаются въ защиту самостоятельности помѣстныхъ церквей, отливаясь въ центральную идею письма: помѣстные церкви, обязанныя держаться основныхъ принциповъ вселенской вѣры и общихъ нормъ церковной жизни, имѣютъ право развивать мѣстный церковный обычай. Ища единенія съ Римомъ и идя ему на встрѣчу, Фотій утверждаетъ каноны, на которыхъ настаиваетъ папа, жалѣетъ, что не можетъ выполнить папскихъ требованій въ ихъ полномъ объемѣ, и, незамѣтно мѣняя тонъ самозащиты въ наставительный, даетъ замѣтить папѣ, что и римская церковь не всегда точно придерживалась общепризнанныхъ каноновъ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Кажется, апологія выиграла-бы въ силѣ впечатлѣнія еще больше, если-бы мѣстами была написана проще, безъ византійскихъ риторическихъ красотъ, оцѣнить которыхъ мы уже не можемъ, безъ повышенной аффектаціи, которая изрѣдка чувствуется, безъ той изысканной вѣжливости, которую могутъ принять за неискренность (напр. тамъ, гдѣ Фотій распространяется о своей готовности съ удволеніемъ отказаться даже отъ части своей собственной юрисдикціи).—Гергенрёттеръ относится къ письму очень отрицательно, оцѣнивая его ниже, чѣмъ кто-либо изъ западныхъ писателей (Ср. *Basilio* an 861 n. 55; *Fleury*, Livre 50, chap. 15; *Neander* B. II, S. 310; *Jager* p. 59, 76; *Hefele* B. VI, 234; *Dümmler*, B. II S. 53 *Langen*, 12) Вотъ этотъ отзывъ: *Überhaupt ist diese langegedehnte Apologie, die weit die Grenzen eines Briefes überschreitet (Jager* помялъ, почему это такъ, p. 76), an Wiederholungen, pathetischen Deklamationen und hohlen Ausfluchten ebenso reich, als an gehässigen Insinuationen über seine Gegner (?), an schlechtverhüllten Lobpreisungen seiner eigenen Person; das Ganze ist ein schlaues Gewebe von Wahrheit und Lüge, ein Gemisch von erheuchelter Demuth und verdeckter Heffart, berechnet einerseits, den Papi zu hintergehen und zu täuschen (въ чемъ?), anderseits ihm zu imponiren durch die zur Schau gestellten hervorragenden Eigenschaften des Geistes und des Herzens (въ апологіи Фотія естественно отразился во весь свой дѣйствительный ростъ; папа долженъ узнать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло), durch den festen und entschiedenen Ton, der ein im vollen Bewusstsein seines Rechtes (развѣ могло быть иначе?) dem unverdienten Tadel gegenüber in seiner Ruhe beharrendes Gemüth zu erkennen geben soll (В. I S. 459). Лучшее всего провѣрить отзывъ чтеніемъ оригинала — (Ср. отзывы *Муравьева*, Правда вселенской церкви. 230 *Zotos'a* (L'Union Chrétienne 1867 p. 243): *Epistola apologetica* est chef d'oeuvre d'éloquence et de dialectique la plus digne lettre qui ait jamais été écrite par la main d'un évêque, Les reproches que le pape lui avait adressés étant très-mal fondés, Photin-

Несомнѣнно, Николай долженъ былъ прочесть письмо безъ особеннаго удовольствія. Оно ставило к-польскую церковь въ компетенціи папскихъ декретовъ, упрачивавшихъ свой авторитетъ на Западѣ, давало понять, что условіемъ братскихъ отношеній между церквами должно служить не подчиненіе, а взаимное уваженіе къ ихъ самостоятельности и относительной самобытности; наконецъ, показывало, что проиграно для папы и дѣло о патримоніяхъ.

Не этого ждалъ Николай. Нежданно-негаданно предъ нимъ вставалъ соперникъ, какого онъ не думалъ встрѣтить. Желѣзный папа всего менѣе былъ склоненъ къ уступкамъ: не готовился къ нимъ, какъ видно если не по тону, то по содержанію письма, и Фотію. Борьба была неизбежна.

Θ. *Россейкинъ.*

---

pouvais facilement les réfuter; mais il donna en cette occasion de telles preuves de son esprit pénétrant, de sa sagesse pastorale, de son érudition profonde et de son noble caractère, que nous ne pouvons assez admirer ce grand patriarche. *Исторія Фотію* (III. 740—741). „это письмо является однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ, какія были когда-либо написаны по поводу пагубнаго аятагонизма церквей, по широтѣ его принциповъ, правильности взглядовъ и украшающей все это непобѣдимой прелести стилия“. *Византизмъ*, 47 А. П. Лебедевъ *Исторія разд. церквей*, 6.